

Денис
Драгунский

ОКНА ВО ДВОР

книга откровенных вопросов
и нескромных ответов

Денис Викторович Драгунский Окна во двор (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6883233

Драгунский, Денис Викторович Окна во двор : [рассказы]: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-082798-5

Аннотация

Мастер короткого рассказа Денис Драгунский издал уже десять книг: «Нет такого слова», «Ночник», «Архитектор и монах», «Третий роман писателя Абрикосова», «Господин с кошкой», «Взрослые люди», «Пять минут прощания» и другие.

«Окна во двор» – новый сборник новелл.

Рассказы Дениса Драгунского похожи на спрессованные романы или кинофильмы. Резкие повороты сюжета, динамичные диалоги, столкновения непростых характеров и внезапное озарение – так вот какие черты водятся в тихом омуте! Прочитав такой рассказ, хочется думать о героях и их судьбах, фантазировать, что с ними будет завтра или через год.

Содержание

Окна во двор	5
почти молодые и очень злые	5
искусство принимать решения	7
второе спряжение	9
античность и современность	11
не лезь, советчик, к игрокам	12
у каждого мгновенья – свой резон	14
Гегель и Стендаль	16
жарища в этой самой Африке	18
толковый словарь живого великорусского языка	19
в пятнадцать лет полком командовала	20
этнография и антропология	21
commentarii de bello Germanico	23
не смейся, паяц!	24
симуляция и сюрсимуляция	25
зацепилось – поволок, сорвалось – не спрашивай	26
jus felicitatis	27
исторические досуги	28
круг	30
public relations и целевая аудитория	31
сон на 29 ноября 2012 года	32
первая встреча, последняя встреча	34
этнография и антропология	36
этнография и антропология	37
этнография и антропология	39
этнография и антропология	41
этнография и антропология	43
этнография и антропология	45
этнография и антропология	47
этнография и антропология	49
этнография и антропология	51
этнография и антропология	53
этнография и антропология	55
этнография и антропология	57
этнография и антропология	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Денис Драгунский

Окна во двор (сборник)

© Драгунский Д.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Окна во двор

почти молодые и очень злые

Гидроплан

– Я хочу сделать тебе предложение, – негромко и торжественно сказал Митя.

– Делай! – весело сказала Юля и поцеловала его в щеку.

Они жили вместе уже почти четыре года. Снимали пополам квартиру, и у них даже было что-то вроде общего бюджета: на чай-кофе-сахар; на подарки, которые они делали общим друзьям; ну и, конечно, на отпуска. Но о женитьбе речь пока не заходила. Хотя, конечно, Митя иногда так намекал. Говорил: «Хорошо бы устроить свадьбу в Греции», и даже: «Я хочу, чтобы у нас было трое детей». То есть выходило, как будто их брак – дело давно решенное, только надо немного погодить.

Но вот наконец пора настала.

– Ну, давай, я жду, – Юля обняла его.

– погоди, – он снял ее руки со своих плеч, сел на табурет. – Садись. – Она села напротив – разговор был в кухне. – Послушай. Я заказал гидроплан.

– Гидроплан? – Юля помотала головой. – Ты хочешь мне предложить покататься на самолете?

– Вот именно! – счастливо засмеялся Митя. – Мы полетим на маленьком гидроплане, тут есть такая фирма... В субботу. Полетим на озеро, полетаем над водой, а потом прибудем к дальнему берегу. Там есть полуостров Гусиный Нос. В маленьком охотничьем домике нас будет ждать романтический ужин при свечах. Кейтеринг уже заказан, они на машине привезут. А потом мы снова сядем на гидроплан и улетим домой, уже как жених и невеста. А эти, из кейтеринга, все соберут и увезут. Здорово, правда?

– Здорово, – сказала Юля. – То есть ты мне предложение будешь делать не сейчас, а там? В охотничьем домике, при свечах?

Митя кивнул, встал, повернулся к плите и включил чайник, потому что была среда, утро и надо было на работу.

Гидроплан был маленький и красивый, там сиденья пахли, как в новой машине, и закат над озером был роскошный, в полнеба, и чудесно светило окошко в бревенчатом лакированном домике. Стол, белая скатерть, фрукты, паштет из фазана в виде фазана с перьями. Свечи.

Официант разлил вино по бокалам.

– Спасибо. Идите, – сказала ему Юля и подняла глаза на Митю.

– Что? – спросил он.

– Нет, это я спрашиваю, «что», – сказала Юля. – Что ты молчишь?

– Стараюсь осознать момент, – засмеялся он. – Ну, давай выпьем за нашу будущую счастливую семейную жизнь.

Поднял бокал, потянулся чокнуться.

– А предложение? – сказала Юля.

– Тебе что, обязательно надо словами?

– Хотелось бы, – сказала Юля.

– Ну, пожалуйста! Предлагаю тебе руку и сердце. Будь моей женой. Выходи за меня замуж. Что там еще надо?

– Спасибо, – сказала Юля. – Я подумаю.

– Что? – сказал Митя.

– Да ничего, – сказала Юля, отпила вино, оторвала фазаний хвост, зацепила паштет лопаточкой и положила себе на хлеб, откусила. – Ты думал четыре года, теперь моя очередь *по-раз-мыш-лять*, – сказала она набитым ртом. Но я не буду столько тянуть, не бойся. Но хотя бы месяц мне все-таки надо.

– А быстрее нельзя?

– Можно, – сказала Юля. – Можно совсем быстро. Мой ответ – нет.

Митя поставил бокал и посмотрел на нее очень внимательно.

– Потому что предложение делают не через четыре года совместной жизни, а через неделю, после третьего секса! Так мои папа с мамой женились. И твои тоже, уверена! Слетай на гидроплане, спроси.

– Сучка, – грустно сказал Митя.

– Кобелек, – задумчиво ответила Юля и позвала: – Официант! Счет!

– Оплачено! – крикнул Митя, встал из-за стола и пошел к двери.

Юля смотрела, как взлетает гидроплан, маленький и красивый на фоне солнца, которое краем уже касалось горизонта. Самолетик сделал круг, пролетел у нее над головой, опять удалился, сделал вираж и вдруг чиркнул крылом по воде, подняв тучу багровых от солнца брызг. Перевернулся, упал в воду поплавками кверху и стал медленно – или ей только так показалось – стал медленно тонуть.

Слава богу, ребята из кейтеринга ничего не заметили. Юля вернулась в город на их машине.

Дома она долго разбирала шкаф, но потом решила позвонить его матери.

– Анна Николаевна...

И замолчала, подбирая слова.

Но тут открылась дверь, и ввалился Митя в сыром и мятом костюме.

Он сел на пол, прислонился головой к ее коленям.

– Анна Николаевна, ваш сын сделал мне предложение.

В трубке послышался какой-то крик. Юля нажала отбой.

– Вот видишь, – сказала она. – Твоя мама тоже против.

искусство принимать решения

Окна во двор

– Жутко подлые бывают бабы! – вдруг сказал мой приятель, бизнесмен в области искусства: галерист и коллекционер, говоря по-старинному – *маршан*.

Сказал, вздохнул и горестно замолчал.

Было бы очень невежливо – молчать в ответ. Я начал его расспрашивать. Он, конечно, сначала отнекивался, но потом рассказал вот что.

«Кем бы она стала без меня? Да никем! Кто она была до меня? Никто! Студентка второго курса. Неглупая, кстати. Нет, конечно, что-то в ней было. В смысле таланта, поэтому я на нее обратил внимание. Давай, попробуй, девочка, удиви нашу публику. Я ей все объяснял, конечно, от и до. Она не спорила, это ценно. Не было в ней этого детского “я сама, я сама!”. Все довольно ловко подхватывала. В общем, у нее стало получаться. Очень была мне благодарна. Умная, я же сказал! Дурочка бы верила, что она все сама-сама-сама, придумала, сделала, и продала тоже сама. А эта все прекрасно понимала и смотрела на меня вот так...» – он приоткрыл рот и поглядел на люстру восторженным остекленевшим взором.

– Она тебе поэтому понравилась? – спросил я.

– Не только, – сказал он. – Она очень милая. Даже красивая. Правда, у меня жена еще красивее, но всё равно я в какой-то миг решил: пропадай моя головушка...

– Ого! – сказал я.

«Но вовремя передумал, – продолжал он. – А она ни на чем не настаивала. Так и жили. Лет шесть, наверное. Потом говорит: “Прости меня, но мне уже немало лет...” Хо-хо! Двадцать пять – немало? “Да, – говорит, когда моей маме было двадцать пять, мне было уже два годика. Моей маме и моему папе...”

Ага, думаю. Вот оно в чем дело. Замуж девушке пора. Ну что же. Это жизнь. Вам время цвести, нам время тлеть. Тем более что мне было уже сорок восемь к тому моменту.

А потом подумал: нет! Не отдам тебя никому.

Пришел домой с твердым решением: развожусь. Прошелся по комнатам. В кабинете выгреб документы из ящика, побросал в портфель. Сел на лесенку около книжных полок. Огляделся. Жена входит: “Ты что тут как воробей на жердочке?” – и обняла меня. И вся моя решимость куда-то делась.

Слава богу, я никому ничего не сказал. Ни ей, ни жене.

Потом, еще через пять лет, она опять говорит: “Я, конечно, тебя люблю, но...”

Ладно. Обо всем договорились, как взрослые люди. Съездили в Италию на недельку, для красивой разлуки. Возвращались уже по отдельности. Вроде всё.

Через полгода она звонит: “Свадьба в пятницу. Ты его не знаешь, но он очень хороший. Пожелай мне счастья”.

Я и отвалился с инфарктом.

Через месяц меня перевели в санаторий, под Москвой. И вот однажды я лежу в своей прекрасной одноместной палате, и входит нянечка со шваброй. Всё, думаю, сошел с ума, привет. А она моет пол и на меня смотрит. Я как заору: “Кто из нас с ума сошел?” А она: “Тихо, тихо, тебе нельзя волноваться”. Я все-таки спросил: “А как же свадьба, муж?” А она смеется и руку мне целует...»

– Вот это любовь! – сказал я. – Да я бы на твоём месте...

- Да, да, понимаю, – сказал он. – Но учти, это было ее решение!
- Но ты же ее не прогнал? – сказал я.
- А ты бы прогнал? – засмеялся он и продолжал:

«Но вот ей уже тридцать шесть, а мне почти шестьдесят. Надо завязывать. И надо ей что-то сделать на прощанье. Ну, выставку тут, выставку там, это понятно. Нет, мало! Я ей квартиру купил, представляешь себе? Двухкомнатную, на Каретном Ряду, все окна в зеленый двор. Ремонт оплатил. Мебель вместе с ней ездил покупать. Обставил, можно сказать, по своему вкусу... Помог переехать.

Слегка, конечно, прихворнул. Типа депрессия. Понятное дело.

И тут выясняется, что моя верная добрая бедная несчастная обманутая немолодая почти совсем седая жена уже лет пятнадцать трахается с моим берлинским партнером! И об этом знают все, кроме меня!

Мне прямо легче стало. Депрессия – как рукой.

Хватаю телефон. «Лиза, – говорю, – привет. Ты дома? Я к тебе заеду буквально через час, можно?».

А она отвечает: «Нет, нельзя»».

– Ну и понятно, – сказал я. – Ты же, некоторым образом, жизнь девушке сломал. Осталась без мужа, без ребенка. С родителями отношения испортила.

– Это она мне сломала жизнь! – закричал он. – Кто ей велел? Кто ее просил? Что я ее, соблазнял? В койку укладывал? От мужа уводил? Она все сама!

– Тихо! – сказал я. – Тебе нельзя волноваться.

второе спряжение

Пахомов и сказка

– Жизнь у меня как в сказке была, – сказала Настенька.
– Вижу, – сказал Пахомов без выражения.
– Чего ты видишь? – закричала Настенька. – Ты ничего такого вовек не увидишь! Мне шестнадцать лет было, когда Маркиз на меня глаз положил.
– Ага, – сказал Пахомов. – Маркиз де Карабас.
– Сам ты Карабас! Марик его звали, Маркиз – это прозвище, еще со школы.
– Вы что, в школе вместе учились?
– Ничего не понимает! – всплеснула руками Настенька. – Мне шестнадцать было, а ему лет сорок, не меньше.

Увидел меня на улице, выследил, наутро приехал на машине. Белый «мерин», в нашем городе таких вообще не видали. Вылез, дверь передо мной открыл и на одну коленку встал.

Эх, в Москве жизнь была!

Придем в ресторан, а я как заору: «Хочу, чтоб все пили шампанское!» Маркиз официантам: «Шампанское на все столы!» А потом: «А ну за здоровье Анастасии Николаевны! – и меня на стол ставит. – Все стоя пьют, кому сказано!» И пьют, и ура кричат.

Один мужик отказался, ему баба не велела: «За меня не пил, а за бандитскую блядь будешь стоя пить?» – очень громко сказала. Маркизовские быки его схватили, подтащили. Маркиз ему: «Пей!», а он: «Не буду!» Маркиз уж волюну вытащил, а я со стола кричу: «Стой! Не смей! Это ж как человек свою женщину любит! Вот меня бы кто так любил! Давайте за ихнюю любовь! Еще шампанского!» Маркиз прямо прослезился, велел, чтобы тому мужику за ужин заплатили и такси подали.

А ночью ко мне на кровать сядет и ножку целует. «Деточка, что ж ты меня обижаешь, я ли тебя не люблю?»

Любил, да. Один раз я в ресторане на стол улеглась, прическа в салат, платье в соус. Заснула слегка. Просыпаюсь – креветки с майонезом в волосах, песто-пиканто на юбке. Маркиз меня сразу в салон красоты. Через охранника хозяйку вызвал и мастериц. Голову вымыли и уложили как миленькие, хотя четыре часа ночи. А потом в бутик за платьем, хотя пять утра.

Любил, страшное дело. Но не женился. И даже невинности не лишил. Я ему не давала, и он так особо не стремился.

Потом, когда его грохнули, я уже по делу замуж вышла. Невинной девушкой. За Сергей Михалыча. Свадьба в Монте-Карло, двести гостей. Тоже любил. Но изменял, сука. Я его раз десять ловила на этом деле. Приеду в ресторан, а он там с какой-то молодой... А я тоже молодая была! Мне двадцать было едва-едва!

– Но не шестнадцать, – сказал Пахомов.
– Ну и что? – сказала Настенька. – Да я и сейчас моложе любой молодой, у меня живот – хребет изнутри пощупать можно, хочешь, покажу?
Она стала расстегивать кофту и вытаскивать ее из брюк.
– Не хочу, – сказал Пахомов.
– Голубой, что ли? – обидно сказала Настенька.
– Зеленый, – сказал Пахомов. – И вообще оставь эту манеру тыкать и раздеваться без спросу. Захочу – сам скажу. Ну, на чем мы остановились?

– Пишите, Пахомов, – сказала Анастасия Николаевна. – К глаголам на “μι” второго класса относятся те, где между основой и окончанием в презенсе и имперфекте вставляется инфикс “νυ”, если основа кончается на согласный, или “ννυ”, если на гласный. Например, “δεί#νυμι” или “#ρεμάννυμι”. Всего таких глаголов восемнадцать...

античность и современность

Девять раз

Юноша Тиресий, сын пастуха Эвера и нимфы Харикло́, шел однажды по тропинке и увидел, как две змеи занимаются любовью. Смеха ради он ударил их палкой и был превращен в женщину.

Женщиной он прожил семь лет, пока снова не увидел – то есть *пока снова не увидела*, ха-ха! – пару змей за тем же занятием. Схватив палку, ударил их – и снова стал мужчиной.

Тут как раз заспорили Зевс и Гера: кто получает больше удовольствия от занятий любовью – мужчина или женщина?

Спросили Тиресия – ведь он был единственным человеком, который побывал и мужчиной и женщиной.

Тиресий ответил, что женщина наслаждается *в девять раз сильнее*.

Гера разгневалась и ослепила Тиресия.

Ведь она утверждала, что главные сладострастники – мужчины.

Зато Зевс одарил Тиресия острым внутренним взором, то есть сделал его мудрым прорицателем. Именно Тиресий, кстати, раскрыл Эдипу загадку его преступления.

Но я не про Тиресия, а про Геру.

Почему многие женщины – в том числе и весьма продвинутые, взять ту же Геру, царицу богов, – почему многие женщины считают, что в эротическом смысле они всего лишь терпят, соглашаются, *дают*, извините за выражение, – но не более того?..

не лезь, советчик, к игрокам

Воспитание и чувство

У меня на факультете был один друг. Вернее, хороший товарищ. Мы часто с ним сидели и курили в нижнем холле первого гуманитарного корпуса на Ленинских горах. Значит, это было на третьем курсе или позднее. Потому что до того мы учились на Моховой.

Так вот.

Сидим мы с ним на перемене, курим. И он мне опять, в сотый раз, говорит, как сильно он влюблен в одну нашу сокурсницу. Причем влюблен не просто так, а страстно. Хочет ею, извините, овладеть. Наслаждаться ее телом.

Но именно поэтому он стеснялся признаться ей в любви. Да и вообще просто начать ухаживать. Встречать-проводить, водить в кино, кормить мороженым в вафельных стаканчиках и поить у мраморного прилавка «Гастронома» виноградным соком за 14 коп. Вот такая была палитра галантности у скромных студентов в начале семидесятых...

Но он стеснялся все это делать именно из-за того, что ощущал страстное плотское чувство. Вот если бы это была обыкновенная слегка возвышенная полулюбовь, полудружба, которая потом со скрипом переползает в постель, – тогда другое дело. Тогда пожалуйста. Потому что он был благовоспитанный мальчик из очень интеллигентной семьи. И она тоже, кстати, была *хорошей девушкой из хорошей семьи*. И ему казалось, что его чувство – неприлично.

– Вот если бы она была шалава какая-нибудь, – тосковал он. – Я бы тогда без разговоров: по стакану портвейна, взял за жопу, и все дела... А она такая светлая, такая милая, такая чистая. Но я ее так хочу, просто до слез. Как ты думаешь, она мне когда-нибудь даст?

– Если будешь сидеть и ныть, то не даст, конечно. Откуда же ей знать, что тут такая Ниагара чуйств-ссс... – хихикал я.

– Не смей смеяться! – обижался он. – Значит, не даст?

– Даст, даст, – успокаивал я. – Конечно, даст.

– Точно? Ты уверен?

Он мне страшно надоел.

Вдруг я вижу, что по этому длинному стеклянному холлу идет она. Вдалеке, мимо нас. Ее звали Алла, я прекрасно помню. И я вдруг как крикну:

– Алла! Алла! – и машу рукой. – Подойди на минутку, тут один вопрос!

Она останавливается, поворачивается и идет к нам.

Мой друг краснеет, срывается с места и убегает.

– Привет, – говорит она. – Что такое?

– Алла, – говорю. – Ты только не бей меня портфелем по башке, ладно? Вопрос такой. Буду предельно откровенен. Сашка убежал, потому что стесняется. Он в тебя влюбился до полусмерти. Ты не смейся, но это просто бешеная страсть. Обожает. Во сне видит. Жить не может.

Она присела на банкетку рядом со мной. Спрашивает:

– Ну и?

– Буду краток. Вот скажи, ты вот, проще говоря, могла бы, ну, в общем... – и замолкаю, потому что как-то неудобно.

– Ты спрашиваешь, могла бы я, – она смотрит на меня ясными глазами и улыбается, – могла ли бы я его, проще говоря, *полюбить*?

– Ну да! – говорю я. – Если короче, то да.

– Прямо сейчас? Сегодня? – смеется. – Прямо сегодня, конечно, нет. С ума сошел? Но вообще – как ухаживать будет. Будет провожать, приглашать в театр, дарить цветочки – тогда, наверное, да. Тем более что сейчас у меня никого нет. И вообще он мне даже нравится. Я его давно заметила.

Тут звонок. Мы вскочили и побежали в разные стороны.

В конце дня натыкаюсь в раздевалке на своего друга. Он на меня волком смотрит. А я ему весело так:

– Ура! Кричи ура, кому сказано!

– В чем дело?

– Ты ей нравишься. Она сказала, что с удовольствием тебе даст. Не сразу, конечно, не в первый раз, она же хорошая девушка...

– Ты что, *прямо вот так* с ней говорил?! – у него даже рот перекошило, то ли от гнева, то ли от страха.

– Ну, не совсем прямо вот так. Но, в общем, довел до нее суть дела. Она сказала: только пусть сначала поухаживает.

– Я сейчас тебе дам по морде! – кричит он и чуть не плачет.

Хорошо, мы рядом с урной стояли. Я черный железный круг схватил:

– Спокойно, – говорю. – Без рукоприкладства. А то влетит.

Он повернулся и убежал.

С тех пор он обходил меня за десять метров. А если мы все-таки сталкивались, отворачивался.

Ну, ладно.

Месяца через три захожу в буфет, там эта Алла сидит. Беру компот и коржик, подхожу:

– У вас свободно, мадемуазель?

– Свободно, – говорит она довольно злобно. – Хоть в футбол играй. Ну, где же этот безумный Меджнун? Я, к твоему сведению, двух человек отшила. В ожидании бешеной страсти...

– Именно что безумный, – говорю. – Глубокий шиз. Ну его.

– Ты что, нарочно надо мной издевался?

– Что ты! – говорю и кладу ей ладонь на руку, и даже слегка поглаживаю. – Что ты! Он так страдал, мне все мозги прокапал, честно.

– А раз честно, – говорит она, – тогда теперь ты должен за мной ухаживать. Давай, веди меня сегодня в кино. Или просто погулять. Вокруг главного корпуса. Такая погода, и яблони цветут.

– Алла, – говорю и свою ладонь с ее руки снимаю, – ну, бог с тобой. Я ведь люблю другую девушку. Ты же знаешь кого, и все это знают, и мы с ней хотим пожениться.

– Иди отсюда.

Я и ушел. Даже компот не допил и коржик не доел.

у каждого мгновенья – свой резон Шпионы, контрразведка и стена

В начале 1970-х на соседнем факультете приключилась такая история. В общежитии играли в покер и обыграли новичка на сумасшедшую сумму – рублей пятьдесят. Полторы стипендии. Надо отдавать. А денег нет, и взять неоткуда. Полное отчаяние.

– Ладно, – сказали ребята. – Отработаешь.

– Отработаю, честно!

– Но смотри, проболтаешься...

– Не проболтаюсь, честно!

– Хорошо. Значит, так. Мы – иностранные разведчики. Понял? Поработаешь связником. Возьмешь контейнер и отнесешь в камеру хранения на Курском вокзале. Через неделю перенесешь его на Белорусский. Потом на Казанский.

– А... а потом?

– Делай, что говорят! – и ему дали тугой сверток старых газет.

Бедный парень взял, отнес. Через неделю сделал, как было велено – перенес сверток с Курского на Белорусский. Потом на Казанский.

И пошел сдаваться в КГБ.

Товарищи из органов отдали дело на усмотрение парткома. На родном факультете этих шутников решили не наказывать. Ну, кто ж мог подумать, что он такой дурак? А бедного дурака исключили из комсомола. Шутки шутками, а ведь *субъективно* он три недели работал на иностранную разведку.

Вспомнил немецкий фильм «Жизнь других». История про ГДР в те же 1970-е годы, про капитана Штази, который следил за драматургом-диссидентом, проникся к нему сочувствием и фактически спас.

Хороший актер. Очень трогательно и человечно. Но фильм я понял совсем иначе. Сотни тысяч агентов этого самого Штази следили-следили, а за Берлинской стеной не уследили. То есть никакой государственной безопасности они не соблюли. Не сумели? Или не смогли? Или не получилось? Или не вышло? Или работали как-то мимо целей и задач?

В общем, лучший кадр фильма (на мой вкус) – когда сидят эти штазеры в подавале, письма перлюстрируют целой бригадой. У них специальные отпариватели были – пар тонкими струйками выходит по линии заклейки конверта – удобно! Сидят они себе, конверты над паром держат.

Вдруг один включает радио. Хоп! Берлинская стена упала!

И все разбегаются. Аккуратно разбегаются, по-немецки. Собирают портфели, надевают плащи, выключают свет. Не торопясь, но очень быстро.

Берлинская стена, кстати, упала из-за одного слова.

Можно сосчитать, сколько дней, часов и даже минут она простояла. Ее начали строить (то есть физически разделили Восточный и Западный Берлин колючей проволокой и шеренгами войск) 13 августа 1961 года, в 01 час 00 минут. Она продержалась до 9 ноября 1989 года, до 19 часов 34 минут по местному времени.

Именно в этот миг секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии по вопросам информации товарищ Гюнтер Шабовски произнес роковое слово. Он проводил пресс-конференцию, на которой огласил постановление о свободном переходе границы. Пресс-конференция транслировалась по телевидению. Зал замолчал, переваривая новость и ожи-

дая какого-то подвоха. Наверное, затихли и телезрители, сидящие у своих домашних экранов по обе стороны Стены.

Потом из зала раздался осторожный вопрос: а когда данное постановление вступает в силу?

Шабовски ответил в одно слово:

– Sofort.

Что в переводе значит: немедленно. В смысле – с момента оглашения. И зал мгновенно опустел. Опустели и берлинские квартиры. В обоих Берлинах, Восточном и Западном. Все побежали рушить Стену.